

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Baltoslavenska akcentologija
Balto-Slavic Accentology

IWoBA VII

Материалы VII международного семинара
Referati VII međunarodnog skupa
Proceedings of the 7th International Workshop

Материалы VII международного семинара
Referati VII međunarodnog skupa
Proceedings of the 7th International Workshop

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Baltoslavenska akcentologija
Balto-Slavic Accentology

IWoBA VII

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ФОНД «РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

МОСКВА 2016

УДК 80/81
ББК 81
Б 20

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В17

Рецензенты:
д. ф. н. С. Л. Николаев
д. ф. н., профессор Бонифацас Стунджа

Б 20 Балто-славянская акцентология: Материалы VII между-
народного семинара / Отв. ред. М. В. Ослон. М.: Языки
славянской культуры: Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016. — 200 с.
ISBN 978-5-9906133-5-5

В сборнике представлены работы участников VII международно-
го семинара по балто-славянской акцентологии, прошедшего в Рос-
сийском государственном гуманитарном университете 7–10 июля
2011 г. Семинар был приурочен к юбилею В. А. Дыбо.

УДК 80/81
ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9906133-5-5

© Авторы, 2016
© Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016

Оглавление

Предисловие.....	5
Predgovor.....	6
Foreword.....	7
Научный путь В. А. Дыбо.....	9
Екатерина Акерманн	
Новый взгляд на правило Н. Ван-Вейка.....	14
Steven Young	
Nasal Affixes and Secondary Short Stems in Baltic and Slavic.....	29
Mate Karović	
Dužina u zadnjem (otvorenom) slogu u praslavenskom.....	39
Светозар Лашин	
Акцентуация глаголов на <i>-iti</i> , производных от существительных праславянской а. п. <i>d</i> : пробный шар.....	68
Драгана Новаков	
Несколько замечаний об особенностях употребления акцент- ных (надстрочных) знаков в дечанском Законнике XVI в.....	92
М. В. Ослон	
Слоговые интонации посавских говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики?.....	109
Витаутас Ринкявичюс	
Николаевская метатония в прусском языке.....	126
С. С. Скорвид	
О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе.....	142
А. В. Тер-Аванесова	
Акцентуация <i>i</i> -глаголов в говорах Архангельской области.....	159
Ronald F. Feldstein	
Russian Stress and the Notion of Syncretism.....	175
Dijana Ćurković	
Naglasne paradigme imenica <i>a</i> -osnova u novoštokavskom govoru Bitelića.....	187

Предисловие

Начиная с 2005 года в разных европейских городах проходят ежегодные международные съезды акцентологов — семинары по балтославянской акцентологии (IWoBA). Материалы первых шести семинаров уже опубликованы в виде сборников статей. Очередной — седьмой — семинар был проведён 7–10 июля 2011 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве.

Московский семинар был приурочен к 80-му юбилею одного из крупнейших акцентологов современности — Владимира Антоновича Дыбо.

В Москве выступали учёные из Австрии, Литвы, России, Сербии, США, Хорватии и Черногории. Они обсуждали различные вопросы синхронной и диахронной акцентологии балтийских, славянских и других индоевропейских языков. Особое заседание в ходе семинара было посвящено юбилею: на нём были прочитаны доклады на более широкие темы — по ностратике, индоевропеистике и сравнительно-историческому языкознанию в целом.

В настоящий сборник вошли статьи, основанные на докладах, сделанных в ходе семинара.

Благодарю всех, кто так или иначе способствовал успешному проведению семинара и выходу в свет этого сборника: в первую очередь А. В. Дыбо, И. С. Пекунову, А. С. Касьяна, а также других сотрудников РГГУ, помогавших в организации семинара.

М. В. Ослон

Predgovor

Svake godine počevši od 2005. u različitim evropskim gradovima organizuju se međunarodne konferencije iz baltoslavenske akcentologije (IWoba). Materijali prvih šest skupova već su objavljeni u obliku zbornika naučnih članaka. Naredni, sedmi, skup održao se u Moskvi, na Ruskom državnom humanističkom sveučilištu 7.–10. jula 2011.

Ovaj skup bio je posvećen 80. rođendanu jednog od najvećih akcentologa našega doba, Vladimira Antonoviča Dibo.

U Moskvi nastupili su znanstvenici iz Austrije, Crne Gore, Hrvatske, Litve, Rusije, SAD-a i Srbije. Raspravljali su o različitim pitanjima sinhronijske i dijahronijske akcentologije baltičkih, slavenskih i drugih indoevropskih jezika. Posebna je sekcija tokom konferencije posvećena slavljeniku, na njoj se izlagalo na šire teme, kao što su nostratika, indoevropistika, opće poredbeno jezikoslovlje i sl.

Ovaj zbornik sadrži članke zasnovane na referatima učesnika skupa.

Zahvalan sam svima koji su doprinijeli uspjehu našeg skupa i objelodanjenju ovog zbornika, a prije svega Ani Dibo, Alekseju Kasjanu, Irini Pekunovoj, kao i suradnicima Sveučilišta koji su pomagali u organizaciji konferencije.

Mihail Oslon

Foreword

Since 2005, the International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoBA) has been held annually in various European cities. The proceedings of the first six conferences have already been published as collections of articles. The 7th IWoBA took place on July 7–10, 2011 at the Russian State University for the Humanities in Moscow.

The Moscow conference was held in honour of one of the most prominent accentologists of our time, Prof. Vladimir Antonovič Dybo, on the occasion of his 80th birthday.

Scholars from Austria, Croatia, Lithuania, Montenegro, Russia, Serbia, and the USA participated in the conference. They took up various issues in synchronic and diachronic accentology of Baltic and Slavic, as well as of other Indo-European languages. A special section in honour of Prof. Dybo's birthday hosted talks dealing with broader issues, such as Nostratic, Indo-European, and general comparative linguistics.

This volume is based on the talks presented at the conference.

I am grateful to all those who contributed to the success of the 7th IWoBA and helped this volume see the light of day. In particular, I would like to thank Anna Dybo, Alexey Kasyan and Irina Pekunova, as well as others at the RSUH who in one way or another assisted in organizing the conference.

Mikhail Oslon

Научный путь В. А. Дыбо

В 2011 году в Москве прошли целых три лингвистических конференции по случаю юбилея В. А. Дыбо. Кроме чисто хронологического значения — а это более чем полувекковая веха блестящей научной деятельности крупнейшего учёного, — этот юбилей даёт прекрасную возможность оценить необычайную широту его научных интересов. В своих докладах на этих конференциях коллеги и ученики Владимира Антоновича затронули такие разнообразные темы, как балто-славянская, индоевропейская и уральская акцентология, глоттохронология, сравнительная тюркология и кавказология, а также другие интересующие В. А. Дыбо области, в большинстве из которых проявил себя его компаративистский гений. Доклады в очередной раз продемонстрировали роль юбиляра в этих научных областях, которые вряд ли достигли бы своего сегодняшнего уровня без его активного и руководящего участия.

Так, именно Владимиру Антоновичу обязана современная акцентология своими важнейшими достижениями. Обрисуем вкратце главные этапы тернистого пути, пройденного этой дисциплиной, пережившей в последние десятилетия беспрецедентный взлёт. Новая эра славянской акцентологии началась с публикации в 1957 г. революционного труда Хр. Станга «*Slavonic Accentuation*»¹, который порвал с заблуждениями зашедшей к тому времени в тупик «классической акцентологии» начала XX века. Новый — парадигматический — подход впервые позволял обозреть целостно и систематически весь массив имеющихся данных, до сих пор казавшихся беспорядочными и слабо мотивированными. В числе прочего, Станг доказал генетическое тождество подвижной славянской и литовской акцентных парадигм (а.п. с и а.п. 3), тем самым отрицая правомерность так называемого закона Фортунатова, являвшего собой краеугольный камень «классической акцентологии».

По Стангу, в славянском языке искони было три акцентных парадигмы (*a*, *b*, *c*), которые восходили к индоевропейской эпохе. Именно в этом и было слабое место его реконструкции. Сразу осознав фундаментальную важность труда Станга, но также изъяны в его концепции, В. А. Дыбо начал большую теоретическую работу,

¹ *Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.*

призванную, по его первоначальному замыслу, привести к реабилитации закона Фортунатова в славянском. Однако довольно быстро он обнаружил в системе определённые закономерности, из которых вытекали важные выводы: оказалось, что акцентные парадигмы *a* и *b* дополнительно распределены в зависимости от типа корня, что неожиданным образом сводило набор балтославянских акцентных типов до двух парадигм: неподвижной и подвижной². Этому открытию нашлось применение в анализе кельто-италийского материала, проведённом В. А. Дыбо в 1961 г.³ и доказавшем, что эти же две парадигмы существовали в других индоевропейских языках.

Так родилась новая теория индоевропейского ударения. Главной чертой, отличавшей её от всех прежних теорий, была применимость одного и того же *морфологического* принципа ко всей системе в целом (т.е. ко всем частям речи), так что материал, состоящий из крайне разнообразных отдельных фактов, подчинялся небольшому набору весьма простых правил. Все словоформы праязыка теперь стали представимы в виде цепочки морфем с акцентными свойствами («валентностями») одного из двух возможных типов, что исчерпывающе определяет поведение их ударения. Это позволило В. А. Дыбо приступить — впервые в истории языкознания — к реконструкции *целой акцентной системы праязыка* (в данном случае праславянского).

Когда были очерчены основные контуры славянской и балтославянской акцентной системы, вся масса накопленных данных — в частности, по глаголам — была подвергнута тщательному анализу для получения подробной классификации засвидетельствованных форм и реконструкции их эволюции. К началу 70-х годов В. А. Дыбо опубликовал большое число отдельных статей, по которым уже тогда можно было составить довольно полное представление о прасла-

² В то время подвижность отождествляли с греко-арийской окситонезой, т.е. ударением на окончании, в отличие от баритонезы, соответствовавшей на коренному ударению (неподвижности). Реконструкция балтославянской системы, основанная на этом открытии В. А. Дыбо, была уточнена в 1963 г. его другом и сотрудником В. М. Иллич-Свитычем в фундаментальном труде «Именная акцентуация в балтийском и славянском». С тех пор закон, объясняющий происхождение а.п. *b*, известен как «закон Дыбо — Иллич-Свитыча».

³ *Дыбо В. А.* Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания, 1961, 5.

вянской акцентной системе⁴. Однако некоторые обстоятельства препятствовали выходу в свет обобщающей монографии (Владимир Антонович подписал ряд писем в защиту диссидентов). Наконец, в 1981 г. В. А. Дыбо сумел выпустить «Славянскую акцентологию»⁵, фундаментальный труд, по сей день служащий точкой отсчёта для большинства акцентологов⁶.

Параллельно с реконструкцией праславянской акцентной системы, В. А. Дыбо и его ученики изучали балтийскую систему⁷, в области ударения тесно связанную со славянской, а также связь балтославянского ударения с индоевропейским⁸. Оказалось, что балтославянскую систему можно вообразить почти как некую акцентологическую действительность, с точностью, о какой приходится лишь меч-

⁴ Основные работы:

Дыбо В. А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, 1961, 30;

Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания, 1962, 6;

Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы-enclitome-na в аористе *i*-глаголов) // Советское славяноведение, 1968, 6;

Дыбо В. А. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // Вопросы языкознания, 1971, 2;

Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение, 1971, 6. — и мн. др.

⁵ *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.

⁶ За это время вышло несколько важных монографий других авторов. Здесь стоит упомянуть две весьма разные работы: (1) *Kortlandt F.* Slavic Accentuation. Lisse, 1975 и (2) *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave. Paris, 1976, во второй из которых дана реконструкция, основанная главным образом на работах Дыбо (что в сочетании с теоретической ясностью изложения делает эту книгу прекрасным введением в проблематику), тогда как первая исходит из совершенно иных принципов, хотя и принимает во внимание реконструкцию Дыбо (так, «закон Дыбо — Иллич-Свитыча» играет в ней существенную роль).

⁷ Например: *Дыбо В. А.* К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования, 1980. Москва, 1981.

⁸ *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // Балто-славянские исследования, 1987. Москва, 1989.

Николаев С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. Москва, 1989.

тать в описаниях многих живых языков. Свойственные балтославянской морфеме акцентные типы (каковых было по меньшей мере два), образующие акцентные парадигмы (подвижную и неподвижную) имени и глагола, морфонологические законы словообразования, поведение акцента в синтагме — все эти особенности позволили сделать ряд обобщений, приведших к открытию *новой типологической разновидности акцентных систем, дотоле неизвестной — морфонологизованных парадигматических акцентных систем*. Были описаны и проанализированы и другие системы этого типа⁹, находящиеся на разных стадиях эволюции. Это привело к «тонологической гипотезе» их происхождения¹⁰. Согласно этой гипотезе, возникновению таких систем предшествует состояние, при котором каждая морфема обладает «регистровым тоном». Сочетания разных морфем дают «акцентные кривые», а сами постепенно теряют свой тон, который в итоге проявляется лишь как абстрактный признак, т. н. «валентность». Система эволюционирует дальше к более продвинутым состояниям, при которых ударение становится всё более и более «категориальным», т. е. определяется уже не акцентологическими, а иными факторами.

Таким образом, можно сказать, что сравнительное изучение акцентных систем исторических языков обогатило индоевропейскую реконструкцию, ранее претендовавшую лишь на «сегментный» уровень праформ, новым — «супрасегментным» — аспектом, который индоевропейцы ранее не рассматривали (кроме «очевидных» случаев вроде ступеней чередования корня и т. п.).

Триумфальное шествие сравнительной акцентологии началось с ряда блестящих открытий В. А. Дыбо и продолжается сегодня при участии его многочисленных учеников и сподвижников, занимающихся немалым числом языковых групп с целью обогащения наших

⁹ Дыбо В. А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. Москва, 1977.

Дыбо В. А. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? // Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции. Москва, 1987.

¹⁰ Dybo V. A., Nikolayev S. L., Starostin S. A. A Tonological Hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // Estonian papers in phonetics, 1978. Tallinn, 1978.

представлений о генетическом и типологическом аспектах акцентологической эволюции языка.

Другая область знания, чьё выживание было бы под вопросом, если бы не усилия Владимира Антоновича, — это ностратическое языкознание. В. М. Иллич-Свитыч, отец современной ностратики, проделал грандиозную работу по сбору данных из сотен языков для создания ностратической реконструкции и словаря. После трагической кончины Иллич-Свитыча в 1966 г., помешавшей ему завершить дело своей жизни, В. А. Дыбо взял на себя труднейшую задачу осуществить великий замысел друга. Результат — выход в свет (в 1971, 1976 и 1984 гг.) трёх томов словаря под редакцией В. А. Дыбо¹¹, который существенно доработал и расширил материал и теорию Иллич-Свитыча. Благодаря этому обстоятельству, ностратическое языкознание стало плодотворной и строгой отраслью, объединившей немало специалистов мирового масштаба¹².

Число замыслов, которые успел осуществить В. А. Дыбо на протяжении своего научного пути, весьма внушительно. Не менее внушительна их широта, для большинства «обычных лингвистов» невообразимая. Но Владимир Антонович и не думает останавливаться на достигнутом. На вопрос, заданный ему на дне рождения: «А что бы вы сами себе пожелали?», именинник ответил: «Желаю себе наконец начать акцентологическую реконструкцию ностратического». А потом добавил: «Конечно, сперва закончив индоарийскую». Значит, нам, ученикам и почитателям таланта Владимира Антоновича, нечего волноваться: триумфальное шествие продолжается.

М. В. Ослон

¹¹ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь: в 3-х томах. Под ред. В. А. Дыбо. Москва, 1971, 1976, 1984.

¹² Как, например, крупнейший русский языковед С. А. Старостин, тоже, увы, скоропостижно скончавшийся (в 2005 г.).

Екатерина Акерманн

Венский Университет

Новый взгляд на правило Н. Ван-Вейка¹

Некоторые условные обозначения и сокращения:

<	закономерное развитие
←	преобразование
'	иктус (перед ударным слогом)
°	неморфологическое членение слова
√	корень
С	согласный (смычный)
Н	ларингальный
R	резонант (<i>l, r, m, n</i>)
E	окончание

в праславянских формах:

'	акут
~	циркумфлекс

трансп. — транспонат
дередупл. — дередуплицированный

В 1926 г. Н. Ван-Вейк опубликовал статью о просодико-морфологической корреляции, наблюдающейся при образовании страдательных причастий прошедшего времени и форм 2-3 л. ед. ч. аориста в глаголах с основами на гласный или резонант в славянском (имея в виду праславянский) [van Wijk 1926: 281–289]. При этом он заметил, что от циркумфлектированных глагольных основ образуются страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-t-*, а форма 2-3 л. ед. ч. аориста при помощи форманта ^o*tŭ* (морфологический статус которого неоднозначен), напр.:

**pŭ-ti* 'пить' → страд. прич. пр. вр. **pŭto-*, аор. 2-3 л. ед. ч. **pŭtŭ*,

¹ В связи с задержкой публикации этого сборника необходимо отметить, что результаты исследования, кратко представленного на конференции IWoBA в 2011 г., вошли во вторую главу книги об истории формирования праславянской глагольной системы [Ackermann 2014], где на с. 120–137 дается детальный анализ данных и предлагаются решения вопроса происхождения дистрибуции по правилу Ван-Вейка, которые на момент написания данной статьи не представлялись мне столь ясными.

в то время как от акутированных глагольных основ образуются страдательные причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-n-* и форма 2-3 л. ед. ч. аориста с нулевой флексией, напр.:

**bí-ti* 'бить' → страд. прич. пр. вр. **byjeno*⁻², аор. 2-3 л. ед. ч. **bí*.

С тех пор эта дополнительная дистрибуция, войдя в список основных правил церковно-славянской грамматики, привлекала внимание многих славистов, и в частности акцентологов³. Особой вехой в исследовании закономерностей, обуславливающих правило Ван-Вейка, стали несколько статей В. А. Дыбо в конце 50-х — начале 60-х гг., обращающих внимание на неэтимологический циркумфлекс в некоторых глагольных основах группы с окончанием *-tī* во 2-3 л. ед. ч.

Многочисленные исследования в области праиндоевропейской морфологии и просодии последних лет, а также материал, собранный в моей диссертации по реконструкции процесса преобразования индоевропейской аспектно-временной системы и становления парадигматических глагольных классов в праславянском, дали возможность уточнить некоторые выводы, сделанные В. А. Дыбо почти полвека назад. С диахронической точки зрения дополнительная дистрибуция по Ван-Вейку — явление, без сомнения, вторичное и требует детального анализа условий, при которых такая просодико-морфологическая корреляция стала одним из дистрибутивных признаков в процессе образования аористных парадигматических классов.

² Пока без указания ударения.

³ См. [van Wijk 1923a; 1923b; 1931: 231], [Stang 1957: 133–136; 1942: 65], [Sardnik 1959; Meillet, Vaillant²1934], [Дыбо 1958; 1961; 1962a; 1962b], [Bulakovskij 1925; 1927; Булаховский 1960], [Koch 1990: 448], а также [Diels 1932: 272–228 § 108 прим. 3], [Troubetzkoy 1954: 166–167], [Nahtigal 1961: 84], [Vaillant 1966: 55–56], [Lunt 1974, 88–89, § 10.52 прим. 11], в 7-ом издании [Lunt⁷2001, 103–104, § 10.52 прим. 12] Ван-Вейк уже не упоминается; [Arumaa 1985: 276]. Некоторые исследователи до сих пор, следуя объяснению В. Вондрака [Vondrák 1908: 149–150, 170] и А. Лескина [Leskien²³1919: 200, § 164], выводят формант *-t-* в формах 2-3 л. ед. ч. аориста из соответствующей формы презенса: [Bielfeldt 1961: 217–218, § 281], Schröpfer в 10-ом переиздании грамматики А. Лескина [Leskien¹⁰1990: 145], [Trunte⁵2005: 124]. Ср. также [Aitzetmüller 1978: 185–187, 244–247] и [Meillet, Vaillant 1934: 254–255]. Некоторые грамматики оставляют дополнительную дистрибуцию форм причастий и аористов без внимания, как напр. [Nandriš 1959: 145] или О. Rottmann в последнем переиздании грамматики Лескина [Leskien¹¹2002: 79–90].

К истории изучения вопроса

Ещё в грамматике А. Х. Востокова [Востоков 1863: 70] имеются замечания о наличии в старославянском причастных суффиксов, плохо поддающихся какому-либо синхронному или диахронному объяснению: «3 лице ед. прош. вр. глаголовъ вѣти, жити, ѣти, клати, [-]чати и мрѣти, стрѣти облакають окончанія ви, жи, ѣа, кла, ча, мрѣ, стрѣ приставкою ть, для благогласія, напр. обить, повить, жить, ѣать, обать, клатьса, зачатъ, оумреть, прострѣтъ».

В 1902 г. А. Мейе [Meillet 1902b: 136] отмечает морфологическое соответствие форм аориста 2-3 л. ед. ч. с нулевой флексией формам страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-n-* с одной стороны, и форм аориста 2-3 л. ед. ч. на *°tŭ* формам страдательных причастий прошедшего времени с *-t-* с другой стороны. Однако противопоставление по интонации от его внимания ускользает.

В 1926 г. Ван-Вейку удаётся собрать эти факты воедино и установить корреляцию с просодикой корневого гласного таких глаголов. Его открытие послужило толчком для многочисленных акцентологических исследований. Однако сам Ван-Вейк в своём акцентологическом учении [van Wijk 1923a: 37–39; ²1958: 113] выводит формы 2-3 л. ед. ч. всех аористных классов из имперфекта, таким же образом объясняя все отклонения от интонации основы инфинитива, кроме этого, ошибочно сопоставляя их с циркумфлектированными греческими поэтическими односложными энклитиками, такими как 3 л. ед. ч. аор.-II βῆ (= ἔβη) ‘пошёл’, στῆ (= ἔστη) ‘поставил’ или 3 л. ед. ч. аор. импф. φῆ (= ἔφη) ‘сказал’, и предполагая на этом основании их древность. Однако, согласно общепринятому мнению [уже Schwyzer I: 377; Berger 1958: 5], в этих греческих формах речь идёт о вторичном циркумфлектировании несокращённых старых долгот по закону Вакернагеля [Wackernagel 1877: 457–470] в рамках глагольной энклизы в греческом главном предложении, ср. также [Ekblom 1924–1925 и др.]. Циркумфлектированные односложные аористы в греческом и славянском никакой связи между собой не имеют.

Х. Станг [Stang 1942: 65–67; 1957: 133–136] (ср. [Van Wijk 1923a: 36 ff.]) предположил, что славянские аористы с *°tŭ* во 2-3 л. ед. ч. восходят к праязыковым корневым аористам, никогда не имевшим сигматического элемента между корнем и окончанием, и противопоставил их глаголам со страд. прич. пр. вр. на *-n-*, приписывая последним сигматическое образование основы аориста в праиндоевропей-

ском (в чём он оказывается отчасти прав). Циркумфлекс в формах 2-3 л. ед. ч. аориста в сербско-хорватском со старым дифтонгом⁴ (recte: кратким дифтонгом) в корне он считает фонологически закономерным, напр.:

с.-х. *mr̃je* 'умер' < праслав. 2 л. ед. ч. **mer-s*, 3 л. ед. ч. **mer-t*,

в то время как интонация в формах 2-3 л. ед. ч. аористов, как *lǐtŭ* 'ты / он лил', *pǐtŭ* 'ты / он пил', *vǐtŭ* 'ты / он вил' и т. д., в которой он видит *изначальную подвижность* («original⁵ mobility of the forms»), является вторичной [Stang 1957: 135]⁶. Таким образом, акцентологические преобразования в процессе становления парадигматических классов Станг сводит к следующей схеме: праиндоевропейская мобильная парадигма была в праславянском преобразована в окситонированную парадигму с циркумфлексом в корне [Stang 1957: 135]. У Станга этот циркумфлекс считается этимологическим (фонологически и морфологически закономерным)⁷.

Л. Садник [Sadnik 1959: 141–142]⁸ проводит параллель между ударением проклитик в префиксальных глагольных дериватах в славянском с греческим и древнеиндийским, а бесприставочные страдательные причастия прошедшего времени реконструирует с изначальной окситонезой. Обе парадигматические формы проецируются в таком виде в праиндоевропейский. Так, например, Садник, ссылаясь на Куриловича [Kurjłowicz 1952: 365], связывает интонацию шток. *klét, kléta* с интонацией в *pròklet, pròkleta*, ср. [Ackermann 2011b: 3–8]. Проблематичным оказывается также объяснение последующих передвижений ударения в парадигме до состояния, реконструируемого на основании данных современных слав. языков [Sadnik 1959: 142]⁹, а также отсутствие предпосылок нивелирования оппозиции по месту

⁴ Понятие дифтонга распространяется по Стангу и на сочетание гласного с резонантом (*r, l, m, n*).

⁵ Отождествляя её с праиндоевропейской [Stang 1957: 177–178].

⁶ Из примечания 104 следует, что Станг реконструирует эти формы с нулевой ступенью в корне, в то время как тот же результат дают краткие дифтонги. Ср.: «*lǐ, pǐ, vǐ* may, however, also represent **leit-*, **peit-*, **weit-*».

⁷ Recte: по крайней мере старше, чем рефлекс неоакута. Но непосредственной праязыковой основы циркумфлекс корневой гласной в этих глаголах не имеет.

⁸ Правило Ван-Вейка у неё не упоминается [Sadnik 1959: 126–137].

⁹ Ср. однако правило Лескина [Leskien 1881; 1899], а также интерпретацию этого правила Ван-Вейком [van Wijk 1916: 353].

ударения, что не наблюдается ни в греческом, ни в древнеиндийском.

В. Кипарский [Kiparsky 1962: 347, 349] ограничивается дескриптивным соотносением «первоначального» ударения в древнерусских *t*-причастиях с ударением прилагательных, как напр. *'molod, molo'da* ~ *molo'doj*, а ударение в *n*-причастиях соотносит с ударением *l*-причастий (отглагол. прилагательных), оставив вопрос источника (а также мотивации) подобного переноса по аналогии открытым, ср. [Acker-mann 2011b: 6–8].

Проблеме интонации в неличных формах глагола посвящён ряд акцентологических работ Л. А. Булаховского [Bulachovskij 1923: 285–294; 1925: 216–232; 1927: 69–83; Булаховский 1960: 21–26], в которых, насколько мне позволяет судить изученный материал, впервые предлагается отделить процесс оттяжки ударения от изменения качества тона в основах супина, интонационный контур которых параллелен интонационному контуру действ. и страд. причастий прошедшего времени [Bulachovskij 1927: 73]. Напр., праслав. супин **lī'tь* (с акутированным корневым гласным и ударением на флексии) > **lītь* (промежуточная ступень с оттяжкой иктуса) > *'lītь* (баритонеза с циркумфлексом в корне). Этот процесс Булаховский отождествляет с законом А. Мейе [Мелье 1902a], ограничиваясь, однако, его распространением на формы супина [Bulachovskij 1927: 84–85].

В. А. Дыбо [Дыбо 1958: 55–62; 1961: 33–38], обратив внимание на неэтимологический циркумфлекс во многих глагольных основах с суффиксом *-t-*, имеющих старые долгие корневые гласные, также сравнил изменение качества тона с метатонией по А. Мейе [Мелье 1902a], рассматривая и формы страдательных причастий пр. вр., и формы аориста 2-3 л. ед. ч.), ср. [Acker-mann 2011b: 2–5].

При этом оставалось не совсем понятным, почему, например, праиндоевроп. **peh₃-* 'сделать глоток' и **meh₁-* 'мерить' ведут себя в славянском по-разному и соответственно дескриптивно относятся к разным акцентным классам. Чем объяснить такое, ещё очень устойчивое в каноническом церковнославянском, следование разным парадигмам?

Известны попытки объяснить данную дополнительную дистрибуцию структурой самого и.-е. корня. Такое решение предлагалось К. Кохом и его последователями [Koch 1990]. Таким образом, в группе глагольных корней на гласный или резонант с акутированным

корневым гласным и сигматическим аористом (сигматический тип β)¹⁰ должны были оказаться только корни на ларингальный (т. е. корни $se\}$), а в группе глагольных корней на гласный или резонанс с циркуфлектированным корневым гласным и сигматическим аористом (сигматический тип γ) [там же] — только без ларингального (соответственно корни $ani\}$); кроме нескольких исключений, в которых признавалась метатония по аналогии. Однако это объяснение несколько искажает факты. Группа глаголов, образующая аорист по сигматическому типу γ , т. е. со славянским циркумфлексом, на две трети состоит из глаголов, восходящих к праиндоевропейским корням *ultimae laryngalis*. Аналогия с такой статистикой весьма неудобна.

Обратимся теперь к праиндоевропейскому. Как известно, образование первичной видо-временной основы от глагольного корня — либо корневого аориста, либо корневого презенса — в индоевропейском было обусловлено лексическим значением глагола, т. е. зависело от того, каким воспринимал говорящий действие: как «имеющее естественный конец» или как «бесконечное». Исходя из семантики корня, одно исключало другое. При этом морфологическая маркировка обоих образований: аблаутная ступень корня и нулевой суффикс — совершенно идентичны. Таким образом, для современного исследователя отнесение глагольного корня к той или иной категории является возможным лишь при сопоставлении дериватов в нескольких дочерних языках, так как морфологическое оформление вторичного презенса и аориста практически всегда различно, см. [Ackermann 2010a: 26–27, с лит.].

В ходе анализа первичных глагольных основ древнецерковнославянского как наиболее древнего письменно засвидетельствованного варианта славянского, с привлечением данных просодии и морфонологии современных славянских языков (в первую очередь сербско-хорватского), староболгарского и старочешского, совершенно чётко выявилась преемственная связь между аспектологической принадлежностью первичной основы в языке, с одной стороны, и парадигматическим типом праславянского аориста, а также соответствующим способом образования основы презенса в каждой конкретной группе, с другой стороны¹¹. Следовательно, распределение

¹⁰ Здесь и далее классификация по [Ackermann 2010b: 87], подробно см. [Ackermann 2014: 17–20].

¹¹ Поскольку индоевропейские основы презенса подверглись в славянском значительному нивелированию в результате почти полной тематизации,

глаголов по определённым парадигматическим моделям отражало унаследованную праславянским систему парадигматических форм, состоявших к тому времени в определённых деривационных отношениях друг с другом. Кроме того, классовая принадлежность глагольных основ в праславянском обуславливалась на синхронном уровне фонологическими факторами, а именно тем, оканчивалась ли глагольная основа на согласный или на гласный.

На основании этих двух факторов в праславянском различаются два просодических типа асигматического аориста: тип α (напр. прасл. **pádŭ*, **páde* ‘упаг’) и тип β (напр. прасл. **mogŭ* < предпрасл. **mag^h-óm*, прасл. **možé* < **mog-é-* ‘мог’), а также 4 типа старого сигматического аориста: от глагольных основ на согласный — тип α (напр. дцсл. *žaxъ* < предпрасл. **gēg-s-* ассимил. < **dēg-s-* < и.-е. **d^hēg^{uh}-s-/d^hég^{uh}-s-* ‘жэг’), а от глагольных основ на гласный или резонант — тип β (дцсл. *kryxъ*, *kry* < предпрасл. **krŭ-s-ŭ*, **krŭ-s-st*) или тип γ (прасл. **vixŭ* < предпраслав. **^lvī-s-ŭ*; **viŭŭ* ← **vī-t-ŭ* ‘вил’ на основе и.-е. корн. аор. **uīéh₁-/uīh₁-*). Противопоставление между сигматическими типами β и γ на синхронном уровне и описывает правило Н. Ван-Вейка. Кроме этого, выделяется группа δ с атематическим презенсом (аор. прасл. **dāxъ* < предпраслав. **dō-s-m*, *dastъ* < **dō-stŭ*, презенс прасл. **dā-mъ* < балт.-сл. **dōd-mi*), о чём подробно см. [Akermann 2008; 2010a: 37; 2010b: 185–189; 2011: 26; 2014: гл. II].

От праиндоевропейских глаголов с основой на гласный или резонант ($\sqrt{\text{CeH}}$, $\sqrt{\text{Ce(H)R\#}}$), образующавших корневой аорист, в праславянском засвидетельствован *сигматический* аорист типа γ ($\sqrt{\text{ē-s-E}}$) с циркумфлексом и окончанием *ŭtŭ* во 2-3 л. ед. ч. и презенс с безударным корнем ($\sqrt{\text{ø-É}}$), а от тех глаголов, которые в праиндоевропейском образовывали s-аорист (или же реже редуцированный¹²) —

наиболее целесообразным оказалось описание славянской морфологической системы глагола именно на базе системы аориста. В современных славянских языках сохранились рефлексы различной огласовки корня и акцентуационные различия между основами презенса и производными основ аориста, что также дает исключительно важный материал для определения направления процессов деривации.

До сих пор предпринимались попытки описания системы славянского глагола на основании классификации основ настоящего времени или же основ инфинитива, однако это имеет смысл лишь для синхронного, а не диахронного анализа, поскольку вторичные образования таким образом выносятся на один уровень с первичными.

¹² Во всяком случае производный (а не корневой) аорист.

сигматический аорист типа β (\sqrt{e}/\bar{e} -s-E) с закономерным акутом и нулевой флексией во 2-3 л. ед. ч. и презенс с накоренным ударением (\sqrt{e} -E):

Напр., праиндоевропейский корневой аорист **péh₃-/pih₃-* ‘сделать поток’ [LIV 2: 462–463] соответствует праславянскому сигматическому аористу γ : 1 л. ед. ч. ***pí-s-ũ* > **píxũ*; 2-3 л. ед. ч. **pítũ* ← **pítũ*; в то время как праиндоевропейский s-аорист **méh₁-s-/méh₁-s-* ‘измерять’ [LIV 2: 424–425] соответствует праславянскому сигматическому аористу β : 1 л. ед. ч. **mē-s-ũ* > **mēxũ*; 2–3 л. ед. ч. **mē-s-s/t* > **mē*.

Праславянские глагольные основы с акростатическим ударением, образующие формы 2-3 л. ед. аор. с нулевой флексией и стр. прич. пр. вр. с суффиксом *-n-*, в основном восходят к и.-е. корням *ultimae laryngalis*:

аор. 1. ед. дцсл. **dqsъ*, с.-х. *dũh* (*nàduh*); 2-3 ед. дцсл. *-dō*, с.-х. *dũ* (*nàdu*) < прасл. **dō-s-* < и.-е. **d^himH-s* (трансп.) < **d^hmēH-s-* [LIV²: 153];

аор. 1. ед. дцсл. *trъхъ*, с.-х. *třh* (*zàtrh*); 2-3 ед. дцсл. *trъ*, с.-х. *tř* (*zàtr*) < прасл. нов. **tēr-s-* от **terh₁-* [LIV²: 632–633];

аор. 1. ед. дцсл. *čjuxъ*, с.-х. *čũh*, (*záčuh*); 2-3 ед. дцсл. *čju*, с.-х. *čũ* (*záčũ*) < прасл. нов. **čjũ-s-* или < и.-е. **(s)kēuh₁-s* [LIV²: 561];

аор. 1. ед. дцсл. *klaxъ*, с.-х. *klàh* (*pòklah*); 2-3 ед. дцсл. *kla*, с.-х. *klà* (*pòkla*) < прасл. **kal-s-* от **kelh₂-* [LIV²: 350];

аор. 1. ед. дцсл. *žexъ*, с.-х. *žèh* (*pòžeh*); 2-3 ед. дцсл. *že*, с.-х. *žè* (*pòžeh*) < прасл. **žbn-s-* < **g^uñh₃-* ← **g^uñeh₃-* [LIV²: 215–216];

дцсл. *bixъ*; с.-х. *bĩh*, *ràzbih* < прасл. **bixъ* < **bĩs-* < и.-е. **b^héjH-s-/* **b^héjH-s-/* **b^hiH-s-*; 2-3 ед. дцсл. *bi*; с.-х. *bĩ*, *pòbí* < предпрасл. **bĩs-*; [LIV²: 72–73];

аор. 1. ед. дцсл. *mlěxъ*, с.-х. *mljèh*; 2-3 ед. дцсл. *mlě*, с.-х. *mljè* < прасл. **mēl-s-* < **mēlh₂-s-* [LIV²: 432–433];

аор. 1. ед. дцсл. *kryxъ*, с.-х. *krĩh* (*ràzkrih*); 2-3 ед. дцсл. *kry*, с.-х. *krĩ* (*ràzkri*) < прасл. **krũ-s-* от **kreuH-* [LIV²: 371];

аор. 1. ед. дцсл. **-ryxъ*, с.-х. *rĩh* (*ràzrih*); 2-3 ед. дцсл. *-ry*, с.-х. *rĩ* (*ràzri*) < прасл. нов. **rũ-s-* от **reuH-* [LIV²: 510];

аор. 1. ед. дцсл. *spěxъ*, с.-х. *spjèh* (*dòspjeh*); 2-3 ед. дцсл. *spě*, с.-х. *spjè* (*dòspje*) < прасл. **spē-s-* от **sp^heh₁-* [LIV²: 584];

аор. 1. ед. дцсл. *-měxъ*, с.-х. *ũmeh* (*ũmjeh*); 2-3 ед. дцсл. *-mě*, с.-х. *ũm(j)e* < прасл. **mē-s-* или < **mēh₁-s-/mēh₁-s-* [LIV²: 424–425];

аор. 1. ед. дцсл. *počixъ*; 2-3 ед. *poči* < прасл. **čĩs-* ← и.-е. корн. аор. **k^ujéh₁-/k^uih₁-* [LIV²: 393–394].

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Материалы VII международного семинара

Ответственный редактор М. В. Ослон

Оригинал-макет подготовлен М. В. Ослоном
Художественное оформление И. Богатырёвой

Подписано в печать 15.02.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 550. Заказ №

Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований»
№ государственной регистрации: 1117799000857

Издательство «Языки славянской культуры»
№ государственной регистрации: 1037739118449

Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)